

Сенека приветствует Луцилия!

Я, знаешь ли, перебрался из Заречья в Город. Слишком стало грязно в Заречье. И не то чтобы Тибр разлился и настоящие осенние дожди еще не начались, а просто последние выборы муниципия оставили такое чувство, что, даже шагая по твердым камням, уложенным на дороги новым начальством, чувствуешь себя так, словно идешь по колено в говне. Хотя и выборы те были не у нас, а где-то в Заморье, а прочитал я о них на бесплатных глиняных таблицах, где всякий сброд может накарябать любую чушь. И все равно неприятно. Словом, я в Городе. Да и, честно говоря, вытурили меня из Заречья, заняли мою виллу другие философы, забрали за кармические долги. Но не про Заречье я хотел тебе рассказать, а про Спарту. Ты, верно, помнишь только царя Леонида и триста спартанцев, которые во время оно спасли Европу от нашествия иранских фашистов. Но я поведаю тебе настоящую историю Спарты, которой вряд ли вас учили в вашей академии. Итак, в Спарте жили спартанцы, они же лакедомоняне, и илоты, они же все остальные. Спартанцев было немного, эдак до пятой части от населения. И четыре пятых – илоты, это поначалу так было. Священным долгом илотов было работать и отдавать все заработанное лакедомонянам. За это лакедомоняне тоже исправно служили общему делу и били илотов деревянными дубинками, если те вели себя хорошо. А если илоты вели себя плохо, то лакедомоняне резали илотов медными и бронзовыми мечами. Потому что железа тогда было мало, это ведь был бронзовый век. Спартанцы в целом жили хорошо, потому что никогда не работали. На работу у них не было ни времени, ни сил. С юных лет они приу-

чались к военному делу, а особенно к тому, чтобы бить илотов. Они много тренировались, а в свободное время возлежали друг с другом и иногда с женщинами, отчего племя лакедомонян росло. А племя илотов тем временем сокращалось, потому что у илотов не было времени ни на что, кроме работы. Даже с женщинами они почти не возлежали, а уставали на работе так, что и когда возлежали, то возлежало у них все, даже то, что как раз не должно было возлежать. И постепенно доля спартанцев выросла, скажем, до трети от населения, а илотов оставалось две трети, и уже труднее было илотам кормить спартанцев, так как раньше четверо илотов кормили одного лакедомонянина, а теперь только двое. А лакедомоняне не стали меньше есть, только, наоборот, больше. И еще они любили воевать со всеми соседями и на войну ходили сами, но и илотов тоже брали с собой и гнали их перед собой плохо вооруженными, чтобы враг потратил на илотов свои дротики. И ведь оружие спартанцев тоже стоило дорого, и кони, и колесницы. В общем, драть стали с илотов не по три шкуры, а по семь и девять. Илоты, бывало, протестовали или даже поднимали восстания. Протестовали илоты так: избранный от илотов приходил к спартанскому начальнику просить разрешения на протест. Спартанский начальник выделял место и время для протеста. Илоты собирались мирно и без оружия, пели илотские песни и тем выражали свое недовольство. Спартанцы же окружали их и били короткими бамбуковыми палками, а потом некоторых уводили и продавали в рабство финикийским пиратам, которые приковывали илотов цепями к веслам на галерах «на двушечку», как тогда говорилось, потому что за две ходки илот подыхал от истощения. Но иногда илоты поднимали настоящий бунт и шли на спартанцев с березовыми вениками или кидали в них куски говна. Лакедомоняне жестко подавляли вооруженные восстания,

убивая илотов без счета, потому что только у спартанцев были бронзовые мечи, а говном много ли навоюешь? После подавления бунта спартанцы ужесточали сборы дани, поднимали возраст разрешенной смерти от усталости и налог на жизнь. И тогда илоты постепенно перестали протестовать. Один известный слепой илотский певец в интервью глиняному таблоиду сказал, что надо принять спартанцев как факт и иметь их в виду. Что бороться с властью – это как бороться с силой тяжести. Вот ты встанешь на красивом холме и начнешь бороться, а в результате просто упадешь и разобьешься и станешь говном. А жизнь прекрасна, и весь мир наш, и даже лакедомоняне не могут его у нас отнять. Ну, в духовном смысле. В материальном смысле лакедомоняне отнимали у илотов все. Но илоты больше открыто не бунтовали. Илоты начали другую борьбу, тайную, партизанскую, известную ныне как илотская забастовка. Илоты работали все меньше и все хуже: а зачем работать хорошо, если все равно все отберут? Илоты портили инструменты, калечили рабочий скот, обваливали ирригационные сооружения. Илоты укрывали от спартанцев плоды земли и трудов. Илоты занижали размеры дани. Даже специальные поборы, которые собирались спартанцами ради блага самих илотов, чтобы старых илотов кормить рыбьими хвостами, илоты старались не платить, говоря философски, что никто еще не пережил возраста разрешенной смерти. Спартанцы пробовали бить илотов и продавать их финикийским пиратам, как встарь, но помогало лишь отчасти. Спартанцы погнали илотов на новую войну, но и это не внушило илотам энтузиазма в добросовестной работе на лакедомонян. Хозяйство Спарты стало хиреть. Илоты, конечно, голодали, пряча и портя еду. Но илотам было не впервой. Теперь же стали голодать и слабеть спартанцы, а они к этому были непривычные. А тут еще в соседнем

царстве македоняне изобрели железо, наделали много дешевых железных мечей, пришли и порубали всех спартанцев с их дорогими и устаревшими бронзовыми мечами, потому что наконец-то наступил железный век. Вот так и закончилась славная история Спарты. Но это если не считать того, что в Южном Городе есть клуб пинателей круглого кожаного бурдюка, названный в честь Спарты. А в нашем Северном Городе, известном своими демократическими традициями, считают пинателей круглого кожаного бурдюка из Южного Города свиньями, а себя потомками Зевса, потому что у нас тоже есть свой клуб пинателей круглого кожаного бурдюка; впрочем, Южный Город считает нас фашистами. Мне же кажется, что пинать круглый кожаный бурдюк по полю – это глупо. То ли дело перебрасываться через сетку войлочным комком, как, помнишь, любили мы с тобой, Луцилий, когда жили вместе в пору твоей свежей и ароматной юности и моей еще не тронутой увяданием мужской силы. Впрочем, это слишком личное, и слезы капают на мою глиняную табличку и грозят растворить строки моего письма, которое я заканчиваю, чтобы оно не было слишком тяжелым для курьера, который повезет его к тебе на осле по бесконечным дорогам нашей холодной и сырой Италии. Одевайся теплее, Луцилий, и будь здоров.

Сенека приветствует Луцилия.

В Городе дожди, холод. В Заречье размыло козы тропы; козам ничего, а люди, привыкшие пользоваться козьими тропами вместо дорог, падают в грязь и скверно поминают все начальство – от Юпитера до последнего префекта. Императора, однако, не называют. Слава Императору!

Ты спрашиваешь, отчего у нас такое происходит, что ничего не происходит и даже ветераны Пунических войн

в ответ на лишение их ветеранских наделов и выплат ничего не предпринимают, хотя раньше, было дело, гвардия преторианцев меняла консулов, как девушка прокладки во время своих венериных дней? Оттого, конечно, что наш Император мудр и мудро собранное им правительство. Что до Сената, то коровы и лошади, в нем заседающие, ничего не решают, ибо на все воля Императора. Слава Императору!

Правительство наше понимает, что символическое ныне гораздо важнее субстанционального. Потому что наступила эпоха позднего постмодерна. И можно даже совсем ничего не выдавать плебсу на бывших ранее хлебных раздачах, но все будут куда как счастливы, если одна манипула гладиаторов перебьет другую манипулу гладиаторов; ту манипулу, которая победит, впоследствии можно будет назвать «нашей», а побежденных «персами» или, на худой конец, «провинциалами»; разницы никакой – и те и другие рабы; хотя рабы весьма привилегированные, многие знатные матроны возлежат с ними. Но разве мы станем завидовать рабам?

Об этом судачат в банях все диссиденты, особенно приехавшие из Иерусалима. Нового в том нет. И потому я скажу тебе другое.

Не это главное.

А то главное, что наш народ приучился выносить власть, как стихийное бедствие. Вот что ты с нею поделаешь? Если землю трясет, или потоп, или вулкан загорится. Бунтуй – не бунтуй, конец один. Иногда устраивают опросы или выборы: «Хотите ли вы, чтобы дождь шел из туч или из какого другого места?» Восемьдесят шесть из ста отвечают: «Из туч». Не то чтобы очень любят тучи. Все любят ласковое, нежное солнышко. Но откуда еще идти дождю, как не из туч? К дождю из туч мы уже малость привыкли. А так вдруг будет еще хуже? А народ знает, что хуже всегда есть куда.

Потому даже если Император издаст указ, чтобы всех стариков сбросили с кручи в море, а детей бедняков отдавали на корм собакам богачей, то и тогда народ наш восславит Императора. Потому что как иначе? И всегда может быть хуже. Слава Императору!

Что же делать нам с тобой, Луций? А нам изучать философию. И довольствоваться малым. Я завел себе дюжину гусей. Гуси – очень полезные птицы. Во-первых, они спасли Рим, может быть, и меня спасут. Во-вторых, они несут большие и весьма дорогие яйца. В-третьих, пух и перья, которые можно подбирать, вовсе даже не убивая гусей. И мне еще показалось, что гусиным пером можно писать на восковой дощечке лучше, чем стилем. А если обмакнуть его в сок бузины, то и по ткани! Это весьма полезно, потому что за электричество платить нечем, а заряжать мой андроид бесплатно сосед уже не дает; надо перенести файлы на внешние носители, чем я и занимаюсь в свободное от гусей время.

Будь здоров.

Сенека приветствует Луцилия!

По Городу ходят печальные египтяне. Говорят, что эфиопы надрали им задницу в какой-то игре с круглым кожаным бурдюком. Удивительны забавы простонародья, но еще более удивительна та детская, непосредственная искренность, с которой невежественные люди принимают игру за жизнь, а жизнь за игру. Между тем жизнь вовсе не игра, в жизни все серьезно, и доказательством тому служит то непреложное обстоятельство, что мы с тобой умрем; я, вероятнее всего, раньше, чем ты, но и тебе не так уж много осталось. Времени у нас мало, и мы не можем быть столь расточительны, чтобы тратить его на забавы с круглым кожаным бурдюком, но каждую минуту следует посвятить изучению философии.

У нас в Заречье тихо, нет ни египтян, ни эфиопов; только таджики постоянно долбят и сверлят плиты; клянусь Артемидой, я едва сдерживаюсь, чтобы кого-нибудь не принести в жертву кровавому индийскому божеству; все равно какому. Однако мудрый Филон из Эфеса учит нас ненасилию; будем же добры и всепрощающи. Оставим месть богам. Уж они-то найдут жестокую управу на всякого, поднимающего долото по утрам.

Вернемся к предмету, обсуждение которого я начал в своем предыдущем письме. Итак, всякие религиозные представления есть те же самые материальные, социально-экономические представления, только опрокинутые в небо. В этом совершенно права школа, именующая себя историческим материализмом, и ее учителя Марс и Элкес. Действительно, что внизу, то и наверху, причем внизу сначала, а наверху потом; материальные условия жизни первичны и определяют религиозную идеологию. Сначала на земле появляется батюшка царь-президент, потом на небе единый бог заменяет профессионально ориентированный пантеон. Вопреки известной молитвенной формуле, царство монарха проявляется прежде «на земли» и только потом проецируется воображением верующих «на небеси». Запрос на монотеистические культы был сформирован обществом, принявшим единоличную форму правления; вернее, заинтересованными элитами такого общества. Началось это еще в Египте, где фараон решил перестроить небеса по образу и подобию своего государственного аппарата и провозгласил единым богом солнечного Амона Ра. Фараона отравили, но дело его живет. Монотеизм шел кровавым последом единоначалия всюду по бедной земле, внедряемый огнем, мечом и террористическими актами. Это общеизвестные факты, но я хотел поговорить о другом.

Когда философы сообщают нам, что персона не является независимой от Абсолюта, невежественные люди, обладая религиозным, то есть извращенным, сознанием, понимают эту зависимость в фильтре известных им политических и социальных отношений. То есть Абсолют принимается ими как рабовладелец, а в современных реалиях – как работодатель, хотя разницы практически никакой. Однако философия говорит, что Абсолют не является нашим работодателем. Он не дает нам работу, не заставляет нас работать, не карает и не вознаграждает штрафами и отпусками. Нашим работодателем в этом мире является иллюзия, которая создана заблуждением нашего собственного разума; в этом смысле мы сами нанимаем себя на работу, сами себе платим и сами себя увольняем. Абсолют в своей милосердной ипостаси представляет, скорее, профсоюз, вносящий некоторую упорядоченность в ту безудержную эксплуатацию, которой мы сами себя подвергаем. И главное, указывает нам на возможность выхода – увольнения по собственному желанию, освобождения – и даже гарантирует нам вечную пенсию. Но люди совершенно неспособны это понять и пытаются заключить с небом трудовой договор; на самом деле от имени Абсолюта трудовой договор с ними заключают совершенно земные инстанции капиталистической эксплуатации, и этот договор всегда кабальный.

Истина в том, что живое существо не является независимым от Абсолюта не так, как раб не является независимым от рабовладельца или как работник не является независимым от работодателя, но как волна не является независимой от океана, а искра не является независимой от огня. Думай об этом всякий раз, когда смотришь на волны из своего окна (я помню, у тебя на вилле прекрасные виды на море) или на огонь в очаге, согревающим твоё жилище.

Будь здоров.